

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-105-113

МЕТАФИЗИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Е.Ф. Тарасов

*Гуманитарный институт АНО ВО «Российский новый университет»
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 22
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4*

Аннотация. В статье речь идет о построении методологии теоретического анализа речевого общения (РО). Анализируются теоретические редукции модели речевого общения, которые полагаются препятствием для адекватного исследования РО. Программа нередукционистского подхода к анализу РО включает в себя требование 1) рассматривать речь как речевые действия, направленные на организацию как РО, так и совместной деятельности (СД); 2) отличать образы сознания от их вербальных моделей; 3) видеть в смысловом восприятии речи конструирование содержания речевого сообщения реципиентом из его собственных знаний; 4) допускать существование речи только в процессах ее производства и рецепции, полагая, что за пределами этих процессов ее содержание существует как некоторая совокупность образов в сознании коммуникантов; 5) ввести в объектную область РО как единичных, так и множественных коммуникантов.

Ключевые слова: метафизика РО, конструирование содержания, множественный коммуникант, образ сознания, вербальное моделирование сознания.

Статья посвящена анализу фундаментальных проблем речевого общения (РО), которые принято называть метафизическими (см., например, [1]). Для сохранения целостности теоретических позиций анализ нерешенных проблем РО мы предполагаем вести с позиций теории речевой деятельности А.А. Леонтьева (ТРД), то есть с позиции отечественного варианта психолингвистики, которую мы считаем наиболее адекватной теорией, анализирующей проблемы производства и восприятия речи, в том числе проблемы РО. Кроме того, наша статья мыслится как рефлексия культурной среды, в которой

сотрудничают и, следовательно, общаются люди, опосредуя свое взаимодействие языковыми и неязыковыми знаками. Мы попытаемся, говоря словами И. Лакатоса [2], очертить метафизику РО. РО как объект анализа привлекает исследователей, и этот интерес увеличивается по мере развития технических средств общения, делающих так называемое опосредованное общение глобальным феноменом. Нельзя отрицать, что именно возникновение радио и телевидения вызвало в качестве реакции появление в пятидесятых годах прошлого столетия эмпирико-функционалистского направления исследований массовых коммуникаций, связанных с именами П. Лазарсфельда, К. Ховланда и Г. Лассуэлла. Именно Г. Лассуэллу принадлежит модель коммуникативного акта (КА), получившая широкое распространение: «Кто? Что говорит? По какому поводу? Кому? С каким результатом?»

В рамках социологии и коммуникативистики были развернуты широкие социально-психологические исследования, приведшие уже в конце двадцатого века к формированию концепции информационного общества М. Кастельса [3], которые показали глубокое воздействие информационных технологий на общество и отдельного человека.

Удалось доказать, что широкое развертывание исследований в области информации и коммуникации привело к созданию таких научных дисциплин, как социология массовой коммуникации, социология массовой культуры, критическая политэкономия коммуникации, прагматика и этнография коммуникации, этнометодология, социология социальных взаимодействий, исследования социального потребления медиа и новых технологий информации и коммуникации [4. С. 436]. Иначе говоря, исследование социальной коммуникации показало, что РО – это активность коммуникантов, которая развертывается для организации некоторых социальных действий членов общества как инструмент этой организации.

Исследование массовой коммуникации обнаружило, что РО существует только в структуре социальных отношений, что продуцент речи функционирует как коллективный коммуникатор, а реципиент как коллективный получатель информации, действующий от имени социальных групп, которые он представляет [5. С. 434].

На сегодняшний день в исследовании РО сложилась парадоксальная ситуация: в социальной психологии РО, прежде всего в форме массовой и социальной коммуникации, изучается в структуре вполне адекватных моделей КА, отображающих всю инфраструктуру, влияющую на процессы продуцирования и рецепции речевых сообщений, а в лингвистике и психолингвистике, где прежде всего осуществляются эмпирические исследования речи, используется редуccionистская модель КА [6–10].

Своей задачей в нашей статье мы полагаем вскрытие феноменологии редуccionистских моделей РО в лингвистике и психолингвистике и предложение способов уменьшения этого неадекватного редуccionизма, ставшего препятствием на пути к эффективному исследованию речевых действий членов общества.

РО – это сложный процесс, включающий внешние и внутренние звенья. Внешние звенья могут быть поняты как производство и восприятие звучащей или письменной речи, сопровождаемой соупотреблением неязыковых знаков, то есть то, что находится в межличностном пространстве между коммуникантами. Внутренние звенья – это психические процессы, обеспечивающие производство и восприятие внешней речи. Наиболее адекватная модель производства речи создана в культурно-исторической школе Л.С. Выготского и известна как модель производства речи А.А. Леонтьева – Т.В. Рябовой [11. С. 402].

Однако для коммуникантов речь – это только инструмент регулирования поведения собеседника с целью организовать с ним совместную деятельность (СД), направленную на производство культурных предметов, удовлетворяющих потребности коммуникантов. Простейшие наблюдения обнаруживают, что люди в обществе разворачивают РО только ради организации СД, то есть можно считать, что РО обусловлено СД, хотя физически они могут быть разнесены в пространстве и времени, но коммуниканты в большинстве случаев легко объединяют их в единую инфраструктуру.

Самая важная причина редукционизма модели РО обусловлена изоляцией КА от той неязыковой инфраструктуры, которая детерминирует РО, вызывая к жизни всю речевую активность сотрудничающих друг с другом членов общества.

В лингвистике исследователи, наблюдая сложнейшую феноменологию речевой активности коммуникантов, включенной в процессы РО и СД, естественным образом упрощают объект своего анализа – процессы производства и восприятия речи – изолируя собственно речь от неречевой инфраструктуры, делая объект своего анализа умопостижимым с помощью имеющихся средств познания.

Только деятельностный подход к анализу языка, предложенный В. Гумбольдтом [12], позволил понять язык как *процесс* производства и восприятия речи. Затем А.Н. Леонтьев распространил деятельностный подход к анализу психических процессов, создав общепсихологическую теорию деятельности с развитым понятийным аппаратом [13]. А.А. Леонтьев в теории речевой деятельности (ТРД) применил деятельностный подход к анализу речи, квалифицировав речь коммуникантов как *речевые действия*, направленные на достижение коммуникативных целей, но разворачивающиеся наряду с *неречевыми действиями* и подчиненные целям-мотивам неречевой СД [14].

ТРД А.А. Леонтьева в настоящее время можно полагать наиболее адекватной теорией, объясняющей место и форму речевых процессов в жизни современного общества. Игнорирование формы речевых процессов в виде речевых действий, реализующих производство и восприятие речи и направленных на организацию РО, которое, в свою очередь, есть процесс организации СД, нужно трактовать как неоправданный редукционизм, обрекающий анализ речевых процессов по меньшей мере на неадекватность результатов.

Редукционистский характер модели РО обусловлен традицией, идущей от раннего структурализма Пражской лингвистической школы,

сформировавшей представление о языке как о функциональной системе средств выражения мыслей коммуникантов, изолированной от влияния всех иных целей коммуникантов, обуславливающих форму речевого сообщения. Большое воздействие на формирование модели РО оказал Р. Якобсон [15], проанализировав так называемую целевую модель языка.

Можно упомянуть Петербургскую (Ленинградскую) школу (П(Л)Ш) (И.А. Бодуэн де Куртене, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский), в которой еще до возникновения Пражской лингвистической школы сформировали функциональный подход к языку. Однако работы членов П(Л)Ш не привели к построению верифицируемой модели КА, исключая, пожалуй, только работу А.А. Леонтьева «Психология общения» (1974) [16].

Редукционистский характер модели КА объясняется также тем, что в этой модели коммуниканты отображены как одиночные субъекты, каждый из которых в одиночку производит и воспринимает речевое сообщение. Тем самым из объектной области выводятся множественные коммуниканты, которые при производстве и восприятии речевого сообщения общаются друг с другом.

Элиминирование множественных коммуникантов из объектной области РО не только обедняет, но и искажает представление о РО, так как от внимания исследователей ускользают акты РО, в которых производство и восприятие речи осуществляется иными способами. Если одиночный продуцент вербализует во внешней речи свой чувственный образ какого-либо предмета реальной действительности, опознанного при помощи наличного перцептивного образа сознания, то множественные продуценты транслируют не индивидуальную, а скорректированную и совместно обсужденную версию вербализации.

Экспериментально были установлены четыре стратегии оценивания объектов *совместного восприятия*: «следование за лидером», «переменное лидерство», «независимое оценивание» и «сотрудничество» [17. С. 14].

В работах В.А. Барабанщикова, Б.Ф. Ломова, В.Н. Носуленко было показано, что психологические процессы, осуществляемые в общении, меняют свое протекание [18–21].

Без особых преувеличений можно утверждать, что в объектной области РО должны быть исследованы как одиночные, так и множественные коммуниканты и, следовательно, должны рефлексироваться процессы общения как между продуцентами, так и между реципиентами.

Введение в объектную область множественного коммуниканта опирается на длительную традицию исследования влияния общения на протекание психических процессов, восходящую еще к работам В.М. Бехтерева и его современников [22–26].

Представляется, что целесообразно пересмотреть подход к анализу содержания речевых сообщений, практикуемый в лингвистике, суть которого состоит в том, что лингвист, конструируя содержание анализируемого речевого сообщения, имеет дело только с совокупностью тел языковых знаков, организованных в виде речевой цепочки. В самом тексте, рассматриваемом

аналитиком, никаких знаний не содержится, он выступает только программой для конструирования содержания реципиентом, роль которого берет на себя аналитик, приписывая сконструированное содержание отсутствующему реципиенту. Содержание текста, которое мог бы сконструировать реальный реципиент в лингвистическом анализе, замещается содержанием аналитика. Следовательно, в лингвистическом анализе содержания речевых сообщений исследователь изучает некоторое химерическое образование: речевое сообщение, форма которого построена реальным носителем языка, и содержание, сконструированное не реальным реципиентом речи, а самим аналитиком. Говоря иначе, акт РО, состоящий из текста, построенного реальным продуцентом, и из содержания, сконструированного реальным реципиентом, редуцируется до акта РО, в котором отсутствует содержание, сконструированное реальным реципиентом, будучи подменным содержанием аналитика.

В редукционистской модели РО отсутствует в качестве онтологической предпосылки теории РО представление об общности сознаний коммуникантов как об условии знакового общения, при котором в межсубъектном пространстве между коммуникантами транслируются, как уже упоминалось, только тела языковых знаков, с которыми в сознании общающихся ассоциированы сходные знания. Только это определенное сходство знаний о мире и обществе позволяет знаковое опосредование общения.

Нельзя утверждать, что представление об общности знаний коммуникантов вообще отсутствует в лингвистике. Такое представление существует не как элемент теории о РО, а как технология комментирования художественных текстов, отдаленных от современных реципиентов во времени и культурном пространстве. В современной русской культуре наиболее известны комментарии Ю.М. Лотмана и В.В. Набокова к «Евгению Онегину» А.С. Пушкина.

В психологии давно обосновано положение об общности знаний у субъектов как о предпосылке процесса понимания, включаемого в общение. Наиболее расчлененное представление о смысловом поле, в котором живет член социума, познающий мир, сформировал А.Н. Леонтьев в своей теории образа мира [27. С. 251–261]. По А.Н. Леонтьеву, образ мира – «это пятое квазиизмерение, в котором открывается человеку объективный мир. Это *смысловое поле, система значений*» [27. С. 251].

А.Н. Леонтьеву удалось показать, что, с одной стороны, «свойства осмысленности, категориальности суть характеристики сознательного образа мира, не *имманентные самому образу*, его сознанию. Они, эти характеристики, выражают объективность, раскрытую совокупной общественной практикой, идеализированной в системе значений, которые каждый отдельный индивид находит как “*вне-его-существующее*” – воспринимаемое, усваиваемое...», а, с другой стороны, присвоенные каждым человеком общественные значения предметов «несут в себе особую мерность, это мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира. Она и есть пятое квазиизмерение его! (курсив наш. – Е.Г.)» [27. С. 251–261]. Следовательно, образ мира, по А.Н. Леонтьеву, – это то знание, вскрытое общественной практикой и присвоенное каждым индивидом, которое объединяет всех носителей

конкретной этнической культуры и позволяет им ориентироваться в объективности предметного мира.

Можно с достаточным основанием утверждать, что образ мира А.Н. Леонтьева является альтернативой лингвистическому наивному феноменологизму: «что чувствую, то и описываю».

Именно общность образа мира у носителей конкретной этнической культуры позволяет им общаться посредством трансляции речевых сообщений, состоящих лишь из тел языковых знаков и понимаемых реципиентом только как программа конструирования содержания воспринятого сообщения.

Проблема общности сознаний коммуникантов, как предпосылка знакового общения, не отрефлексирована в научной лингвистике, хотя, естественно, присутствует в бытовом сознании лингвиста, будучи «контрабандно» привносимой в объектную область анализа РО.

Теперь мы переходим к анализу последней редукции модели РО.

Исследователь РО имеет дело с анализом процесса производства и смыслового восприятия речевых сообщений, содержание которых конструируется, по крайней мере, тремя реципиентами: двумя коммуникантами и сторонним наблюдателем-аналитиком. Естественно, каждый из этих участников КА имеет свою версию содержания речевого сообщения, которую коммуниканты сближают в результате сотрудничества, а наблюдатель-аналитик фиксирует гипотетическую трансформацию содержания, мысленно становясь на позиции коммуникантов, или подвергает их тестированию, если ситуация РО экспериментальная.

Различия в понимании одного и того же речевого сообщения зависят прежде всего от тех знаний, которые каждый коммуникант привносит в конкретный КА и от их целей и мотивов в СД.

Проблема дополнительных картин одного и того же КА, которые могут конструироваться коммуникантами и наблюдателями-аналитиками, не рефлексируется в лингвистике, и это приводит к неадекватному описанию речевых действий как «обмен репликами» и выдается за единственно верный подход к анализу КА, при молчаливом игнорировании остальных возможных дополнительных картин. Хотя в художественной литературе давно решили эту проблему неидентичного понимания персонажами одной и той же ситуации РО.

Целесообразно различать знаниевый первоначальный вклад каждого коммуниканта и созданные ими знания в результате их сотрудничества в РО и СД (см. [28. С. 253]). В лингвистике обычно отвлекаются от факта неидентичного понимания содержания речевых сообщений, хотя эта неидентичность провоцирует создание представления о различных образах одного и того же КА, создаваемых каждым участником РО. Неидентичные образы одного и того же КА, формируемые коммуникантами, можно трактовать как дополнительные картины в духе Н. Бора [29].

Теперь мы переходим к формированию методологических принципов, которые могут быть осмыслены как метафизика РО.

Первый принцип анализа РО можно сформулировать в форме требования изучать речь как *речевые действия*, локализованные в *инфраструктуре предметной СД*, которая не только образует неречевой контекст речевых действий, но и создает возможность конструировать их *смысл* в процессе соотнесения содержания этих действий с мотивами СД, достигаемыми каждым из коммуникантов.

Кроме того, *речевые действия*, интегрированные в систему *предметных (неречевых) действий*, позволяют строить модели КА, отображающие взаимозависимость речевых и неречевых действий, и показывать речь только как *инструмент организации РО и СД*, где речь – это лишь средство *управления поведением* коммуникантов.

Целесообразно отказаться от ложной метафоры о передаче информации при знаковом опосредовании РО, так как она ставит под сомнение активный характер процесса конструирования содержания речевых сообщений реципиентом из его наличных знаний и не позволяет объяснить феномен неидентичного понимания одного и того же речевого сообщения разными коммуникантами.

Общность сознаний коммуникантов как условие и предпосылка знакового опосредования внутрикультурного РО должно стать предметом научной рефлексии, как это происходит при анализе межкультурного РО или в проекте SETI (Searchfor Extra-Territorial Intelligence).

Частично эта проблема общности сознаний коммуникантов рефлексировается в теории образа мира А.Н. Леонтьева, которая, вероятно, должна быть дополнена гипотезой о том, что каждый носитель конкретной этнической культуры обладает знаниями, которые можно представить как континуум, на одном полюсе которого находятся профанные (стереотипные) знания, а на другом профессиональные (точные) знания.

Представление о необходимости введения в объектную область РО множественного продуцента и множественного реципиента делает анализ РО более адекватным, лишая монополии образ единичного коммуниканта, который не может быть, например, самостоятельным творцом современных печатных текстов, большинство из которых есть результат усилий многих коммуникантов, в той или иной мере причастных к созданию текста.

Историческая непрерывность человеческого общения провоцирует проблематизацию существования конкретного речевого текста в пространстве других существующих текстов. Можно сформировать гипотезу, согласно которой все тексты суть гипертексты, различающиеся степенью связности с остальными: некоторые тексты обладают явными, а другие – скрытыми связями.

Последнее представление, которое входит в метафизику РО, – понимание той простой и одновременно фундаментальной мысли, что наша речь реально разворачивается только в момент производства и смыслового восприятия речи, за пределами этих процессов содержание речи существует в виде совокупности образов сознания, отображающих объективную реальность, ранее смоделированную в этой речи.

В заключение можно сделать вывод, что без такой метафизики РО трудно надеяться на положительные результаты в исследовании речевого поведения человека.

Литература

1. *Гильдебранд Д. фон.* Метафизика коммуникации. СПб.: Алетейя, 2000. 373 с.
2. *Лакатос И.* Наука и псевдонаука. (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.). URL: <http://vladshaposhnikov.narod.ru/Lakatos/Lakatos.Science.Rus.pdf> (дата обращения: 13.06.2022).
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. *Терещенко О. В.* Коммуникация социальная // Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. И. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2010. 1312 с.
5. *Сидорская И. В.* Коммуникация массовая // Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. И. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2010. 1312 с.
6. *Яноушек Я.* Коммуникация трех участников в совместной деятельности // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 168–177.
7. *Anzien D., Martin J.-Y.* La dynamique des groupes restreints. 8-e ed. Paris: PUF, 1969.
8. *Dodge K.-A.* Facets of Social Interaction and the Assessment of Social Competence in Children // Selmeider B., Rubin K.-H., Ledingham J. Children's Peer Relations: Issues in Assessment and Intervention. New York, Springer-Verlag, 1985.
9. *Marc E., Picard D.* L'interactionsociale. Paris: PUF, 1996.
10. *Rommetveit R.* Words, Contexts and Verbal Message Transmission // Carswell E., Rommetveit R. (eds.) Social Contexts of Messages. London, New York: Academic Press, 1971.
11. *Ахутина Т. В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики, прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.
12. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985.
13. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.
14. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
15. *Якобсон Р.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике: сборник. Вып. 4. М., 1966.
16. *Леонтьев А. А.* Психология общения. Таллин, 1974.
17. *Носуленко В. Н.* Психофизика восприятия естественной среды: автореф. дис. ... д-ра псих. наук. М., 2004.
18. *Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность, восприятие, общение. М.: ИП РАН, 2004. 480 с.
19. *Ломов Б. Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 124–135.
20. *Ломов Б. Ф.* Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1975. С. 64–93.
21. *Беляева А. В., Ломов Б. Ф., Носуленко В. Н.* Вербальное кодирование в познавательных процессах. М.: Наука, 1986. 128 с.
22. *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Петербург, 1921.

23. *Allport F. H.* The Influence of the Group upon Association and Thought // J. of Exp. Psychol. 1920. № 3. P. 159–182.
24. *Allport F. H.* Social Psychology. Boston, 1924.
25. *Meode W.* Experimentelle Massenpsychologie. Leipzig, 1920.
26. *Münsterberg G.* Grundzüge der Psychotechnik. Vol. 2. Leipzig, 1920. 769 p.
27. *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Избр. психолог. произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
28. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Изд-во «Наука», 1984. 445 с.
29. *Тарасов Е. Ф., Головина Л. В.* Понимание речевых сообщений и принцип дополнительности // Организационная психолингвистика. 2019. № 2 (6). С. 9–23.

METAPHYSICS OF SPEECH COMMUNICATION

E.F. Tarasov

*The Humanities Institute of the Russian New University (RosNOU)
22 Radio St, Moscow, 105005, Russian Federation
Moscow City University (MCU)
Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the construction of a methodology for the theoretical analysis of speech communication (SC). The article analyzes theoretical reductions of the speech communication model, which are considered an obstacle to an adequate study of SC. The program of a non-reductionist approach to the analysis of SC includes the requirement 1. to consider speech as speech actions aimed at organizing both SC and joint activities (JA); 2. to distinguish images of consciousness from their verbal models; 3. to see the semantic perception of speech as the construction of the speech message content by the recipient from his/her knowledge; 4. to allow the existence of speech only in the processes of its production and reception, assuming that outside these processes, the speech content exists as a certain set of images of communicants' consciousness; 5. to introduce both single and multiple communicants in to the SC objectarea.

Keywords: content construction, image of consciousness, multiple communicants, speech communication metaphysics, verbal modeling of consciousness